

побережье Черного моря, а также деревни и города расположенные в Фессалии, и города на Пропонтиде. Чрезвычайно характерны слова, с которыми, если верить Дукке, султан проводил послов императора: «Отныне я есть и буду подданным его (императора), как сын по отношению к отцу» (*Ducas*. XX. 1).

Разумеется, византийские императоры были далеки от идеализации своих отношений с турецкими султанами. Их дипломаты зорко следили за тем, что делалось в турецкой зоне восточных провинций особенно в зоне складывавшегося османского государства, регулярно посещали двор султана, завязывали полезные связи, отнюдь не беззастенчиво подкупом постоянно сеяли вражду между многочисленными претендентами на турецкий престол. Послы Мануила II, отправленные в конце 1409 г. в Венецию, указывали на «представившийся случай поссорить обоих султанов (Сулеймана и Мехмеда) и спасти тем самым империю», для чего они просили о поставке восьми галей, которые должны были соединиться с двумя греческими судами и преградить сообщение между Европой и Азией⁵². В послании императора Иоанна VIII в Венецию от февраля-марта 1430 г также указывается на то, что «лучшее средство для защиты от османов — это поссорить их между собой»⁵³. Эту цель дипломатия империи преследовала постоянно: так, перед отъездом Мануила II в западные страны было отправлено посольство к Тимур-Ленку, чтобы подстрекать его против Баязида I⁵⁴. С этой же целью императоры охотно принимали неудачных претендентов, изгнанных турецких князей (один из них, младший сын Баязида I Юсуф, найдя убежище при дворе византийского императора был даже обращен в христианство и при крещении наречен Димитрием⁵⁵), чтобы в нужный момент выставить своего кандидата на освободившийся турецкий престол или выдвинуть опасного соперника. Осенью 1416 г. к султану Мехмеду I было отправлено послание, в котором император отказывался выдать брата султана (Мустафу) и его свиту, бежавших в Фессалонику. «Я, как ты хорошо знаешь, — говорит император, — обещал, что {358} буду отцом тебе, ты же — сыном мне. И если мы оба будем верны обещаниям — тут тебе и страх Божий, и соблюдение заповедей. Если же уклонимся от них — вот уже и отец окажется предателем сына и сын будет называться убийцей отца. Я-то сохраняю клятвы, а вот ты не желаешь этого. Пусть карающий несправедливого Бог будет справедливым судьей. Относительно же беглецов нельзя ни говорить, ни ушами слышать о передаче их в твои руки, ибо не царское это дело, но тираническое» (*Ducas*. XXII.5).

Широко практиковалось воспитание сыновей султанов при константинопольском дворе. Разумеется, со стороны византийцев прилагались все силы к тому, чтобы воспитать их в духе преданности империи и одновременно использовать в качестве заложников. Первая же попытка нового султана Мурада II (1421—1451) упразднить этот институт вызвала резкий дипломатический конфликт. Примерно в июне 1421 г. к Мураду II в Брюссель было отправлено посольство в составе Палеолога Лахана и Теолога Коракса, с тем чтобы утешить султана в связи со смертью его отца, поздравить с вступлением на престол и потребовать, чтобы султан отдал младших детей Мехмеда императору, которого Мехмед в своем завещании назначил опекуном. «Если же он не отдаст и не пожелает следовать древнему закону, установленному предками, то у императора есть соперник, которого он поставит правителем Македонии, Херсонеса и всей Фракии, а затем — Азии и всего остального Востока». Показателен ответ султана, переданный послам через визиря Баязида: «Нехорошо и противоречит предписаниям пророка то, что дети мусульман воспитываются и обучаются у гяуров. Но если император хочет, пусть имеет нашу любовь и пусть остается в соответствии с прежними договорами другом и отцом этих сирот, за исключением того, что касается опекуна. С требованием же содержать у себя и воспитывать детей согласиться невозможно» (*Ducas*. XXIII.4).

С воцарением Мурада II в отношениях между византийским императором и турецким султаном наступили глубокие перемены. Восстановив государство турок, новый султан вернулся к агрессивной политике Баязида. Осадой и штурмом Константинополя в 1422 г. начался последний период агонии Византийской империи⁵⁶.

⁵² Ibid. N 3327.

⁵³ Ibid. N 3426.

⁵⁴ Ibid. N 3278.

⁵⁵ Жуков К. А. Указ. соч. С. 152. Примеч. 93.

⁵⁶ Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1965. S. 482; Vasiliev A. A. History of the Byzantine Empire. Madison, 1952. P. 640.